

ЖАБОТИНСКИЙ — КОРРЕСПОНДЕНТ "ОДЕССКИХ НОВОСТЕЙ"

В лице Владимира Жаботинского еврейство обрело крупного теоретика и "осуществителя" идеи сионизма, а русская литература и европейское языкознание потеряли замечательного писателя и выдающегося языковеда. По поводу второй утраты И. Штейнберг (автор иврит-русского словаря), узнав, что Жаботинский владеет более чем десятком языков, воскликнул: "Молодой человек, оставьте своих сионистов и прочую чепуху и отдайтесь языкам. Я вам гарантирую, что вы станете первым языковедом Европы". Как известно, молодой человек не внял этому призыву: он уже ощущал себя призванным под другие знамена — бело-голубые знамена возрождаемого Государства Израиль.

Что же касается потери первой — литературной, то сегодня стали общеизвестными слова Осоргина о Жаботинском, отзывы других литераторов о его классических переводах По и Бялика. Менее известны другие отзывы. Например, прочитав раннюю комедию Жаботинского "Чужбина", Горький писал знаменитому еврейскому адвокату Оскару Грузенбергу: "...Превосходное произведение, и вообще Жаботинский удивительно интересный человек... его комедия взволновала меня до глубины души". Иосиф Недава, израильский исследователь творчества Жаботинского, приводит в своей книге слова Куприна: "У него врожденный талант, он может вырасти в орла русской литературы, а вы (сионисты — О. К.) украли его у нас, просто украли... Боже мой, что вы сделали с этим молодым орлом? Вы потащили его в еврейскую черту оседлости и обрезали его крылья". Чуковский назвал Жаботинского "самым талантливым" из людей, встреченных в юности, и был уверен, что его ожидает широкая литературная дорога...

У сегодняшнего читателя, уже знакомого с сочинениями Жаботинского, может возникнуть вопрос: а нуждается ли его литературная репутация в таких авторитетных "подпорках", не говорят ли его книги сами за себя? Мне представляется, что нуждается, и вот почему.

Биографы Жаботинского в перечне его дарований и достоинств обычно редко упоминают (если совсем не избегают разговора) о его литературных заслугах. Это может быть объяснено тем, что все известные (мне известные) на сегодняшний день биографии Жаботинского написаны в Израиле, и жизнь Владимира Евгеньевича Жаботинского в них увидена как жизнь Зеева Жаботинского глазами еврейских авторов. Понятно, что взгляд из "страны победившего сионизма" будет отличным от взгляда из "города — колыбели сионизма" (а разве не подходит это название к Одессе, родине Леона Пинскера и Владимира Жаботинского?).

Посвятивший большую часть жизни борьбе за свою историческую родину, Жаботинский никогда не отказывался от другой (вернее, первой) родины — Одессы. Создатель еврейского легиона (и книги о нем) присягнул на верность легендарной палестинской Аркадии, стране будущего счастья евреев. Но и создатель романа "Пятеро" присягнул на верность реальной одесской Аркадии, оставшейся в прошлом счастливой страной своей юности...

Русская культура, русская литература, впитанная им в одесской юности, питала его Музу в зрелости. И хотя между двумя этими эпохами его жизни — громадный промежуток, заполненный деятельностью, казалось бы, бесконечно далекой от нужд русской культуры, но кто решится утверждать, что они не связаны, что вторая не оглядывается на первую, что первая не питает вторую?

Уже выбором литературного имени Владимир Жаботинский отсылал читателей к родной — русской — литературе. И к литературной родине — к Одессе.

Мне кажется, что если бы биография Жаботинского писалась в Одессе, она началась бы главой о Жаботинском-литераторе. А эта глава, конечно, должна была бы начинаться рассказом о Жаботинском-одессите. Одесса Владимира Жаботинского — это прежде всего Одесса романа "Пятеро" (написанного в Европе в 30-е годы) и Одесса фельетонов в одесских газетах начала века. Собранные в книгу, эти фельетоны (а их несколько сотен) могли бы составить тоже своего рода "повесть об Одессе", и интересно было бы "поверить" одной книгой другую...

Иначе было с Жаботинским. Сегодня мы присутствуем при процессе "репатриации" его книг на родину. Нет, не на ту родину — в Государство Израиль — куда он так стремился всю жизнь, да так и не попал и куда его прах был перенесен спустя 24 года после смерти. А на ту, откуда ведут происхождение идеи его сионизма и мотивы, сюжеты, образы его книг. Поэтому нам особенно интересно сегодня прочесть его ранние фельетоны — разве не из них вырастает роман "Пятеро", разве не их отблески можно увидеть в "Самсоне Назорее", других книгах Жаботинского?

Публикуемые сегодня (с сокращениями) фельетоны впервые были напечатаны в "Одесских новостях" в 1902 — 1903 г. г. под псевдонимом Altalena.

Ольга КАНУНИКОВА.

В планах Всемирного клуба одесситов издать 4-й том сочинений В. Жаботинского — его публицистику.

Владимир ЖАБОТИНСКИЙ

7 мая 1903 года

НЕ О ЮБИЛЕЕ ПЕТЕРБУРГА

Вчера в Петербурге праздновали юбилей, и поэтому во всей России, вероятно, много думали и говорили о Петербурге. Это дает мне право не писать сегодня о Петербурге, а писать о других городах, в частности, нашем городе. Ибо в самом деле, что сказать о Петербурге? Город-молодец, нечего и говорить.

В Костроме, в Умани, в Богородске являлись на свет умные люди или даровитые люди, съезжались в Петербург, и выходило так, что ум и талант происходят не из Умани или Богородска, а как будто из Петербурга. И так оно шло благополучно двести лет. Двести лет Россия со всех концов отправляла лучшие свои соки в одно место, и получалось такое впечатление, что это место весьма богато соками. Двести лет такой карьеры — счастье не из дюжинных. Есть с чем поздравить. И поздравляем от всего сердца. Но к поздравлениям иные прибавляют и пожелания: "Дай, мол, Б-г, чтобы и впредь так же"... А иные не прибавляют пожеланий. Как думаете вы, одесситы: прибавите ли к поздравлениям пожелание "впредь того же"? Сомневаюсь...

Но я, собственно, хотел писать о нашем городе. Позавчера выпал довольно ясный день и недурная звездная ночь. Я много гулял и усиленно вдыхал запах акации. Я родился и вырос в Одессе. Место, где мы родились, не всегда есть наша родина. Моя историческая родина не на этих берегах; но я всегда очень любил Одессу и даже когда покинул ее, не разлюбил. Четыре года подряд я не слышал запаха акации; и когда он случайно доносился до меня из-за ограды какого-нибудь сада, я вспоминал Одессу и умилялся душой. Однажды я купил за 4 франка бутылку духов "Акация" и каждое утро брызгал себе на платок и вспоминал Одессу.

Третьего дня, наконец, после четырех лет, я снова досыта надыхался ароматом акации и, вдыхая его, вдруг почувствовал и вспомнил в полном объеме всю мою любовь к Одессе, всю любовь, которую события заслонили, но не задумали. Вспомнил любовь и замечался о будущем этого города. Я часто мечтаю о будущем его. И прежде мечтал, и теперь, хотя и жду нетерпеливо мгновения покинуть его, тоже мечтаю.

Петербург, конечно, умный город, хороший город. Пошли ему судьба всякое благо, и

пусть он навеки будет умным и хорошим городом. Но пусть платит за это из своего кармана, а не из нашего. Не отдавайте ему больше ваших хороших и умных людей. Оставьте их у себя.

Вокруг Одессы огромный район, величинной с доброе государство Западной Европы. Этот район тяготеет к ней и видит в ней свой естественный центр. Этот район достаточно огромен для того, чтобы требовать себе центра первоклассного, заправского, а не второстепенного, с обстановкой второго сорта. Большой и богатый район имеет право требовать, чтоб в его естественном районном центре людям подавалась свежая и полноценная пища, а не объедки с таблоэта столицы. Провинциальным центрам пора опомниться, и честь и слава будет тому из них, который опомнится первый и покажет пример другим. Провинция должна дорожить местными силами и лелеять их, чтоб не потерять. Провинция должна страстно поддерживать все, что хоть на йоту повышает культурную деятельность района.

Провинциальные деятели — гласные, журналисты, благотворители — жалуются на мелкоту интересов:

— Разбирается в том, урезал или не урезал домовладелец Кукиш пол-аршина городской земли...

— Писать о том, что Петров с Ивановым потаскали друг друга за волосы; или давать рецензии о третьестепенной труппе...

— Распространять носовые платки между уличными мальчишками, которые все равно не станут утирать носа...

Да, все это скучновато. Но осветите все это одной идеей, и оно оживится и блеснет совсем иначе. Осветите ваше дело идеей эмансипации провинциального центра. Скажите себе:

— Не должны мы быть пригородом у столицы, а должны быть сами по себе.

И вы почувствуете почву под ногами и добрую глину в руках. Журналист увидит перед собой дорогу трудную, но заслуживающую труда. До сих пор он говорил в газете о художнике таком-то потому, что брат художника — его приятель. Оттого не вникал в дело и не старался быть справедливым. Но теперь для него этот самый художник стал дорог, как рабочий в его собственной мастерской, и оттого он пишет о нем иначе.

И благотворителем быть тоже скучно. Но осветите благотворительность той же идеей — и вы увидите разницу.

О муниципалитете, у которого в руках городские деньги, нечего и говорить. Осветите перед ним его деятельность этим новым зна-

чением — и уж он не согласится вычеркнуть кредит на школы и на городской ломбард и на эти деньги отремонтировать каланчу.

Жалуются люди, что нечего делать в провинции. Смешно. Дело есть, завидное и большое дело, достаточно трудное и достаточно прекрасное для того, чтобы мог его себе облюбовать энергичный человек; но беда, что людей мало, что большинство робеет или ленится, предпочитая плестись без усилий, куда ноги несут. Только была бы энергия, да поняли бы вы, провинциалы, что глупо, невыразимо глупо жить в постоялом дворе, когда можно — и средства есть — устроить перворазрядный отель.

Не учиться у столицы, не брать ее примером, а соперничать с нею независимо и самостоятельно.

Пусть себе навеселится вдосталь город Петербург своим вторым столетним юбилеем; vivat, crescat, floreat; но уж третьего юбилея такой исключительной, такой уродливой гегемонии над духовной жизнью России — не праздновать ему веками.

Баста.

18 сентября 1902 г.

ЕГО ЗАСЛУГИ

Многих изумило, что Эмиль Золя вмешался в дело Дрейфуса.

Со стороны публициста это было бы вполне естественно. Со стороны поэта это было бы объяснимо, потому что поэт предполагается нервным и впечатлительным. Со стороны критика это было бы неожиданно, но допустимо, потому что, как бы то ни было, критику приходится иметь дело со злостью дня.

Но романтик! И какой романтик: автор эпопеи в двадцати тольстых книгах! Эти двадцать книг вызвали представление вовсе не о нервности или впечатлительности, но о самом что ни на есть кабинетном темпераменте. Публицист должен быть гражданином, поэт может им не быть, и критику не возбраняется. Но в романтике видеть активного гражданина как-то ни одна душа не ожидала.

И это было всего несправедливее именно по отношению к Золя. Потому что Золя давно, всю свою жизнь, каждой своей строчкой неустанно повторял: "Я гражданин". Есть поэты, которые не откликаются на злобу дня. Их называют жрецами искусства для искусства; это название неполно, потому что искусство всегда для искусства. Службное искусство немисливо. Но искусство — только фор-

ма, в которой предполагается содержание. И вот, есть поэты, умеющие облекать в ризы, тканые искусством, только такое содержание, которое не есть злоба дня. Прошло уже то время, когда мы думали, что у этих поэтов "чистого искусства" нет заслуги перед человечеством. Умирая, они оставляют потомству страницы, которым в течение десятилетий или даже веков предстоит служить большую социальную службу, питать эстетическую жажду человечества. Но Эмиль Золя не принадлежит к числу этих поэтов.

Он тоже был художником, истинным художником во всех фибрах своего существа. Он тоже никогда (я не говорю о последних его романах, вышедших после "Парижа", потому что они явно созданы не поэтом, а борцом) не подчинял своего вымысла мимолетным требованиям сегодняшней тенденции.

Но он всегда был гражданином. Он не коверкал жизни в угоду своему тезису, он отражал жизнь во всей ее гармонии. Но он подставлял свое зеркало всегда с тех сторон, к которым страстно приковано внимание современного интеллигентного человека. Его произведения дают одинаково богатый материал и художественному критику, и социологу. Он взял карандаш в руки и пошел по лазарету жизни. Языки его не пугали. Он останавливался перед ними и смело заносил их в свой альбом. И так он обошел все койки и все палаты этого огромного лазарета. И обо всем, что видел, рассказал человечеству, с потрясающей точностью, выпуклостью, жесткостью — со священной жесткостью хирурга или прокурора. Он ничего не забыл, он по всем клавишам ударил.

И перед глазами зрителей развернулась галерея, пестревшая всеми оттенками: от голодной нищеты до золотой роскоши, от аскетизма до последних извращений разврата, от подвига до гнусного преступления, от бездны позора до вершин почести. Вся колоссальная хроматическая гамма той клавиатуры, которая называется буржуазным обществом. И когда все это было сделано, Эмиль Золя обвинил в пессимизме. Если не в клевете. На обвинение в клевете он не отозвался, и не стояло. На обвинение в пессимизме он гордо ответил: "Нет оптимиста больше меня!".

Он был прав. Он ничего хорошего не ждал от общества, как оно скроено и шито ныне. Потому что оно извращает и коверкает человека совокупностью самых неестественных условий. Оно делает из здорового цельного человека однокорый обломок, половину человека, огрызок человека. Но Золя верил в будущую победу здорового цельного человека. От-